

Барма Олег Анатольевич
магистр педагогических наук,
аспирант кафедры культурологии УО «БГУКИ»
(г. Минск, Республика Беларусь)
barma_oleg@mail.ru

Научный руководитель – д. филос. наук, проф. Можейко М. А.

ДЕЦЕНТРИРОВАННОСТЬ ПРОСТРАНСТВА АББАТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ В РОМАНЕ У. ЭКО «ИМЯ РОЗЫ»

Научная общественность Болонского университета и представители философских доктрин старого света и не только, в 2012 году отметили 80-летие со дня рождения Умберто Эко, труды которого уже в середине 1960 – начале 1970-х гг. XX столетия получили признание далеко за пределами Италии. Его литературная деятельность, начавшаяся в 1980-м году с выходом в свет романа «Имя розы» и продолжающаяся и по сей день, порождает у читателей больше вопросов, чем ответов, даже сегодня, несмотря на объемные критические материалы, написанные как самим автором, так и его последователями. Для большинства исследователей У. Эко, это - не просто ученый с мировым именем, но специалист в области литературных пародий и мистификаций, и каждое его художественное творение это очередной вызов научному сообществу. Среди ученых постсоветского пространства, освещающих деятельность автора – А. Р. Усманова, В. Я. Бахмутский, В. В. Иванов, Д. В. Затонский, Н. В. Киреева, Ю. С. Сабадаш и другие.

В значительной мере раскрыть многообразие научных интересов У. Эко позволяют проводимые многочисленные конференции, семинары, встречи с его официальными биографами и критиками, масштабность которых не ограничивается лишь географическими рамками: Аппенин, но охватывает крупные университеты пяти континентов земного шара ежегодно.

У. Эко-ученого, на наш взгляд, можно образно сравнить с творцом, создавшим целый научный мир, в котором есть место различным направлениям, разноуровневым исследованиям в таких областях как: медиевистика, семиотика, философия, литературоведение, теория массовой культуры. Благодаря широкому кругу исследований, в научном мире ученого нельзя выделить центр,

периферию, а все идеи, отображенные в многочисленных научных публикациях и фундаментальных трудах, переплетаются между собой, одна идея является частью другой, дополняет ее, а парю становится и началом новой. Благодаря такой ризоморфности, читатель, добровольно последовавший за писателем в его мир, обречён скитаться по нему, так и не постигнув его основу, не преодолев табуированную границу, разделяющую сферу академических исследований и культурной практики, становясь со временем невольным участником, а порою и соавтором идей У. Эко.

У. Эко одержим своей страстью к средневековью, которое присутствует так или иначе почти во всех его произведениях, будь то романы, исследования поэтики Дж. Джойса, критические размышления о структурализме или семиотический анализ проблем интерпретации [3, с. 25]. В своем дебютном романе «Имя розы», по мнению А.Р. Усмановой являющемся «постмодернистским эпосом с семиотическим сюжетом и философскими аллюзиями на Пирса, У. Оккама, Борхеса и многих других» [3, с. 9], и самым популярным и «эталонным» образцом постмодернистского романа, начертал портрет Средневековья в современном интерьере, тем самым, стремясь заставить своих читателей осознать, что проблемы настоящего - это лишь последствия, а первопричина кроется в недрах самого средневековья: «проблемы современной Европы сформированы, в нынешнем своем виде, всем опытом средневековья: демократическое общество, банковская экономика, национальные монархии, самостоятельные города, технологическое обновление, восстания бедных слоев. Средние века – это наше детство, к которому надо возвращаться постоянно, возвращаться за анамнезом...» [4, с. 640]. И, видимо, этот портрет не был бы так искусно написан, если бы ум его творца не был «подкреплен» идеями великих мужей, поклонником которых он является: Ф. Аквинский, Р. Бэкон, Х.Л. Борхеса, Дж. Джойс, вселивших в автора страсть к прошлому через призму настоящего, с прицелом на будущее.

Роман «Имя розы» достаточно хорошо изучен специалистами в области литературоведения, культурологии, философии и других наук, но аспект децентрированности пространства аббатской библиотеки, представленной в самом романе в русле постмодернизма, пока не получил освещения в известных нам научных исследованиях.

В «Заметках на полях» к роману «Имя розы» У. Эко рассказывает: «Морока была и с лабиринтом. Все известные мне лабиринты – а я пользовался превосходной монографией Сантарканджели – были без крыши. Все сплошь замысловатые, со множеством

круговоротов. Но мне нужен был лабиринт с крышей (кто видел библиотеку без крыши!)» [4, с. 613]. Исследуя типы лабиринтов для построения художественного образа аббатской библиотеки, У. Эко выбирает лабиринт–ризому: «существует сетка – то, что у Ж. Делеза и Ф. Гаттари (Ф. Гваттари. – О.Б.) называется «ризомой». Ризома так устроена, что в ней каждая дорожка имеет возможность пересечься с другой. Нет центра, нет периферии, нет выхода. Потенциально такая структура безгранична» [4, с. 628-629].

В контексте постмодернизма пространственные среды интерпретируются как лишённые не только центра, но и любых приоритетных осей и точек [1, с. 47]. В децентрированном пространстве теряется избранность любых пространственных точек, оно перестаёт восприниматься как «система мест»: «нет больше кроватей, на которых лежат, нет больше стульев, на которых сидят, есть лишь «функциональные» сиденья, вольно синтезирующие всевозможные позы (а тем самым и всевозможные отношения между людьми)» (Ж.Бодрийяр) [1, с. 47]. Точно так же интерпретация ризомы в качестве децентрированной среды оборачивается ее трактовкой как обладающей креативным потенциалом самоорганизации: «ризомы может быть разорвана, изломана ..., перестроиться на другую линию» [1, с. 48-49]. В авторской интерпретации, данной М.А. Можейко, под «ризомой» понимается фиксация принципиально аструктурного и нелинейного способа организации целостности, оставляющего открытой возможность для имманентной автохтонной подвижности и, соответственно, реализации ее внутреннего креативного потенциала самоконфигурирования [2, с. 43-44]. Источником трансформаций, по мнению М. А. Можейко, выступают в данном случае не причинение извне, но имманентная нон-финальность системы, которая «ни стабильная, ни не стабильная, а скорее, «метастабильная» и «наделена потенциальной энергией» [1, с. 49].

На наш взгляд, библиотека аббатства не имеет своей целостности, вернее, она разделена на множество отделов (комнат), которые, в свою очередь, сохраняют целостность самой библиотеки, но не ее внутреннее пространство, что представляет собой классический пример ризомы: «Новая комната... две стены глухих, одна с проходом... За ним новая комната... » [5, с. 194], «...Пройдя три комнаты, мы уперлись в стенку. Отсюда путь лежал только в бок, через дверь в боковой стене. Там была комната снова с двумя дверьми – ломать голову не приходилось, – а за ней цепочка из четырех комнат и опять тупик» [5, с. 196]. «Мы вернулись в зал... Оттуда был проход вбок через третью, еще не опробованную дверь. Дальше открывалась анфилада из трех-четырёх комнат» [5, с. 199].

Для реципиента, осваивающего пространство библиотеки, не существует нормированных правил его преодоления, так как отсутствие центра позволяет реципиенту самому выбирать откуда (с какого отдела (комнаты) ему начинать свой путь, и в каком направлении. Тем самым, реципиент, образуя этим движением потенциально бесконечное количество направлений, что являет собой ситуацию перманентного выбора. Место, откуда он начал свой путь, является для него одновременно и началом и концом и серединой путешествия. Таким образом, он создает свой маршрут, руководствуясь своим собственным желанием, не нарушая при этом целостности библиотеки. В рамках такого подхода невозможно конституирование финального смысла путешествия: «...мы брели, не разбирая дороги, и забрели в очередной незнакомый зал» [5, с. 203], « ...Мы кружили и кружили по комнатам без всякой надежды...» [5, с. 204].

Децентрированность библиотечного пространства позволяет реципиенту представлять библиотеку как «хаосмос», то есть как своеобразную композицию, составленную из хаоса.

Таким образом, можно утверждать, что пространство аббатской библиотеки децентрировано, что обусловлено ризоморфными принципами его построения.

Список использованной литературы:

1. Можейко, М.А. Постмодернистское переосмысление феномена книги: внегутенберговское бытие книжной культуры [Текст] / М.А. Можейко // Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры: гісторыя і сучаснасць : зб. навук. прац / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; склад. Л.І. Доўнар, Т.А. Самайлюк ; рэдкал. : Б.У. Святлоў (гал. рэд.) [і інш]. – Мінск, 2011. – С. 39–68.
2. Можейко, М.А. Становление теории нелинейных динамик в современной культуре: сравнительный анализ синергетической и постмодернистских парадигм [Текст] / М.А. Можейко ; Министерство образования РФ; Смоленский гос. пед. ун-т. – [2-изд., доп.] – Смоленск, 2004. – 237 с.
3. Усманова, А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации [Текст] / А.Р. Усманова. – Минск: Пропилеи, 2000. – 199 с.
4. Эко, У. Заметки на полях «Имени розы» [Текст] / У. Эко // Имя розы / У. Эко ; пер. с итал. Е.А. Костюкович ; послесл.: Е.А. Костюкович, Ю. Лотмана. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 1998. – С. 597–644.
5. Эко, У. Имя розы [Текст] / У. Эко ; пер. с итал. Е.А. Костюкович ; послесл.: Е.А. Костюкович, Ю. Лотмана. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 1998. – 595 с.